

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б27

Серия «Встречное движение»

Басова, Евгения.

Б27 Изо : [для среднего и старшего школьного возраста] / Евгения Басова. — М. : Самокат, 2019. — 120 с. — (Встречное движение). — ISBN 978-5-91759-886-4.

Света открыта миру и не ждет от людей плохого, пусть они порой занимаются странными вещами и их бывает трудно понять. Катя непроницаема и ни на кого не похожа, она словно из другого мира и притягательна для Светы именно своей инаковостью. Ее хочется защищать, помогать ей и быть настоящим другом. И Света без колебаний ступает на дорожку в чужой мир, но ее безоглядную доверчивость встречают там враждебно и страшно. И дело вовсе не в том, что колдовской камень-шаролунник, попавший Кате в руки, все знает про человека...

Повесть «Изо» заняла в 2018 году первое место на «Книгуру» — крупнейшем конкурсе детской и подростковой литературы на русском языке, где победителя выбирают сами читатели. А в «Самокате» выходили повести Евгении Басовой (под псевдонимом Илга Понорницкая) «Эй, Рыбка!» и «Школа через дорогу».

ISBN 978-5-91759-886-4

© Евгения Басова, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

Мама, расставляя чашечки на столе, говорит о том, что Свету приняли бы в хорошую художественную школу, — зачем ездить в какой-то кружок, тем более на краю города, где-то в подвале? Неясно, что за дети приходят туда и кто занимается с ними.

Света напоминает:

— Я же рассказывала тебе, Максим занимается!

И туда Катя ходит!

Мама спрашивает:

— А она рисовать хотя бы умеет?

Света отвечает:

— Умеет!

Хотя никогда не думала, умеет Катя рисовать или нет.

Мама не верит ей.

— Что-то я не видела рисунков никакой Кати Трофимовой. А твоего кота уже сколько людей видели! Знакомые люди звонят мне и говорят:

«Какая же у вас девочка умница!» И все спрашивают, где ты занимаешься, кто учит тебя.

Мама как будто упрекает ее за то, что она нарисовала кота. И Катя, должно быть, слышит ее сейчас за стеной, в Светиной комнате. И не скажешь маме, что Катя здесь, дома. Вдруг мама с папой захотят прогнать ее? Пусть лучше уж про кота говорят. Мама вспоминает про него каждый вечер. «Лучше бы я не показывала его никому, — думает Света. — Лежал бы у меня в комнате, в папке, и никто бы не ругал меня и не дразнился».

Кота, как в школу войдешь, сразу видно, он висит напротив дверей и со своего дуба или не с дуба смотрит тебе в глаза насмешливо, и весело, и удивленно — в общем, и не поймешь, как смотрит, а взгляда от него, говорят, не оторвать. И каждый на пути к раздевалке или в столовую останавливается перед рисунком или хотя бы замедляет шаги. И тут же замечает, что и голова у кота слишком большая, и дерево не похоже на дуб, и цепь на нем непонятно как держится — приклеили ее, что ли?

— Эй, — спрашивают у Светы в классе, — твою цепь приклеили?

Хоть в школу не ходи.

Она не говорит маме: ее рисунок сперва повесили в коридоре, а после он исчез и на его ме-

сте оказался чей-то натюрморт, из тех, что как раз рисовали в классе, — настольная лампа на фоне свисающего с доски полотенца. На уроке с куцым названием «изо» Анна Дмитриевна, выводя Свете трояк за эту же настольную лампу, спросила: «И ты хочешь еще, чтобы твоя картинка была центральной на выставке?» Вокруг засмеялись, и Света поспешно ответила: «Нет, я не хочу!»

Но назавтра ее кот оказался на прежнем месте. Она увидела его, только войдя в школу, и потом боялась встретиться с учительницей изо: та могла не поверить, что Света не сама вернула на место рисунок. А она и не знала, где был ее кот, когда его сняли. Думала, может, выбросили, раз у нее тройки по изо.

Анна Дмитриевна попала ей возле столовой, и Света не успела придумать, что скажет ей, — учительница глянула на нее мельком и прошла мимо. И Света не представляла, что будет, если мама узнает, что кота сперва сняли, а после его кто-то повесил назад, не послушавшись Анны Дмитриевны. Только и думай, за что тебя в следующий раз ругать будут. Вдруг кто-то из учителей захочет пролистать ее тетрадь всю до конца. А у нее во всех тетрадях на последних страницах — люди с веселыми, и грустными, и злыми страшными лицами, кто-то непонятный танцует,

и кто-то ловит кого-то. Мама как ни зайдет в комнату, Света быстро-быстро перелистывает страницы, и мама уже знает — почему. Она заглядывает в тетрадь, спрашивает: «Это кто? А здесь ты что хотела показать?» И если возьмешь новую тетрадь, чтобы тебя не спрашивали ни о чем, то она быстро окажется разрисованной — ты и сама не заметишь.

В художественной школе, той, что ближе к дому, Светины рисунки понравились. Завуч так и сказал: «В целом мне это нравится». И добавил: «Конечно, придется переучиваться. Неправильные навыки уже сформировались, вы сами видите...»

Света ждала, что, когда они выйдут, мама станет ругать ее за какие-то неправильные навыки. И это еще вдобавок к тому, о чем мама всегда говорит. Что кто не знает, тот ни за что не подумал бы, что у нее дочка почти отличница. И что, войдя в кабинет, Света забыла бы поздороваться, если бы мама не дернула ее за руку, и после сидела сгорбившись и глядела так, будто ее ничего здесь не касается.

— У нас дети рисуют по программе, — объяснял маме завуч, — шар, параллелепипед, куб. А к таким сложным построениям, — он кивнул на Светину папку, — люди идут годами. — И он снова стал перебирать рисунки. — У нее и звери, и горо-

да... Взять хоть вот эту улицу, это совсем безграмотно — что мы здесь видим?

Улица была темной, ночной. В потемках бродил слабо светящийся прозрачный дракон, в задумчивости он чесал ухо зеленой лапой. На месте дракона должна была быть собака у светофора, но зеленая краска размазалась. Света пририсовала пятну голову, лапы и хвост; собаку стало не видно. Но получилось еще лучше, чем она хотела вначале, и она побежала с рисунком к маме, а мама только охнула от изумления: «Ты у меня как взрослый художник!»

А теперь маме говорят, что картина получилась плохая и надо сперва рисовать куб. Или параллелепипед. А потом, наверно, и настольную лампу, как с Анной Дмитриевной на изо.

Света ненавидела изо, как только можно было ненавидеть школьный предмет. Мало того, что было скучно, так еще перед каникулами классная подходила к Анне Дмитриевне напомнить, что Света — почти отличница. И Анна Дмитриевна, так и быть, переправляла четвертную «три» на «четыре». При этом у нее делалось такое лицо, какое как ни старайся — не нарисуешь. И Свете становилось до невозможности стыдно перед Катей Трофимовой: той никогда не завывали оценок.

Только за тех, у кого выходила одна тройка, классная бегала просить других учителей. И никто не обижался на тебя, никто не завидовал, что тебя делали хорошисткой, — никто и слова не говорил. Кате тоже было безразлично, она только один раз сказала: «А-а, у нас в старой школе тоже отличникам оценки натягивали». — «Я не отличница», — только и ответила Света себе в оправдание.

Ей даже законных своих пятерок по математике и по русскому было стыдно. Хотелось быть похожей на Катю во всем. Она раньше не понимала, как можно хотеть быть на кого-то похожей. Мария Андреевна в первом классе спрашивала: «На кого из сказочных героев вы хотели бы походить?» Девочкам надо было сказать, что на Василису Прекрасную, или уж на царевну-лягушку, потому что они любят труд, а мальчикам — что на Ивана-царевича, потому что он смелый и думает не об одном себе. Это все знали, как отвечать. Мария Андреевна уточняла: «А никто не хочет быть похожим на Емелю на печке?» И надо было смеяться со всеми, чтобы никто не понял, что ты в детском саду больше всех любила Емелю и думала, как хорошо было бы с ним покататься на печи, а с Василисой дружить, наверно, было бы скучно. А после тебе объяснили, что Емелю нельзя любить, потому что он не хочет работать.

Нина Кротова хотела однажды ответить про Василису — подняла руку, вскочила, и тут Мишка Анчугин выкрикнул: «На кикимору!» Хотя кикимор в очках и с аккуратными стрижками не бывает. Мария Андреевна подняла Анчугина и стала ему объяснять, что сам он учится на три, изредка на четыре, а Нина Кротова — гордость класса. «Тебе все равно, что в школе говорят о нас обо всех, ты несколько не гордишься своей одноклассницей, как будто с нами не учишься», — повторяла Мария Андреевна, и Света ежилась, будто она сама была Анчугин, и вспоминала, как мама говорила, что хочет, чтоб ее дочка была похожей на Нину Кротову.

Маму послушать — на всех собраниях только про Нину и рассказывают. Про то, что она опрятная и знает, как говорить со старшими. Все родители собираются, чтобы послушать про Нину! Что с Марией Андреевной было так, что теперь, с Кларой Петровной. Про Свету еще ни разу так долго не говорили. Чаще всего про нее не вспоминают. И мама, придя домой, упрекает ее: «Ничего не сказано было о тебе, абсолютно, будто тебя и нет в классе!»

На другой день Света наблюдает за Ниной, как та заранее на перемене раскладывает на парте все, что ей понадобится на уроке, и как протирает

особой тряпочкой очки. А Света всегда теряет свою тряпочку. Футлярчик сам раскрывается, и она выпадает — потом ройся в рюкзаке. Мама говорит, что в одиннадцать лет надо уже быть собраннее. Но футляр-то у Светы тот самый остался, что был в десять лет, и рюкзак тот же. Что должно поменяться от того, что тебе стало одиннадцать?

На переменах девочки толпятся вокруг Нины Кротовой, по классу разносится ее голос:

— Хью Джеффу усы ну абсолютно не идут! Он, что ли, сам не видит? А был ведь какой мальчик! Влюбиться можно было!

Свете странно, что можно при всех сказать такое слово — «влюбиться». И она видит, как у соседнего стола Лешка и Миша Анчугин одинаково вздрагивают и смотрят на Нину — и сразу отводят взгляд. И думают, что никто не заметил!

Поди пойми, что они видят в ней такое особенное, чего нет в остальных девчонках. По взрослым тем более не разберешь, за что они кого-нибудь любят, а кого-нибудь нет. Про Катю Трофимову мама никогда не рассказывала, ругают ее на собраниях или не ругают. Кати тоже как будто нет. И для Светы ее не было чуть ли не год, с тех пор как она стала с ними учиться. Катя всегда отвечала тихо, Свете с четвертой парты не разобрать, что она сказала возле доски, что нет и за что ей

поставили ее тройку. Учителя молча расписывались в дневнике и позволяли сесть, и пока она шла к своей парте, Света искоса глядела в ее лицо. У Кати были небольшие миндалевидные глаза, по которым не понять было, огорчена она или нет. У всех это можно разглядеть по глазам, и только по Катиным — нет, как ни старайся. Света рисовала людей с миндалевидными ничего не выражающими глазами, и мама, если ей удавалось заглянуть к ней в тетрадь, говорила: «Никакого смысла, я никакого смысла не вижу! Раньше в твоих портретах хоть настроение передавалось!» И Света думала: «Значит, у меня получается рисовать Катю!» Из всех, кого Света знала, Катя была ни на кого не похожа.

В старой книге, из тех, что у папы остались с его детства, Света читала, что непроницаемые лица были у североамериканских индейцев. Их с детства учили скрывать, плохо тебе или хорошо, и Света два дня следила за собой, чтобы не улыбаться и не показывать волнения, когда еще не ясно, кого вызовут на уроке. Но все равно не получилось быть как индейцы — это одна Катя может. И Света перестала думать, что отражается на ее лице: она любовалась Катей.

У Кати были прямые тонкие волосы, и они лезли за воротник, слишком широкий, точно кофта

была не ее. Другие девочки, будь у них такие волосы, мазали бы их пенками для укладки или бы стриглись коротко, чтобы не видно было, какие они жидкие, а Катя как будто знала, что на нее и так можно смотреть и любоваться, и ей ничего делать не нужно. На переменах она всегда держалась одна, и казалось, это не потому, что с ней никто не хочет дружить, а наоборот, ей никто не нужен. Никто в классе ей не подходит в друзья. Целые дни и недели Катя не разговаривала с одноклассниками.

Света вспоминает об этом теперь и сама не верит себе: «А я подхожу ей, оказывается? Мы можем быть подругами?»

На уроках она представляла, как после звонка к ней подойдет Катя и они станут вдвоем ходить по коридору и говорить о кино, сразу о нескольких фильмах, — может быть, в каком-нибудь играет Хью Джефф, и у него усы, не все ли это равно. Главное, те люди, в кино, могут ездить куда хотят или влюбляться в красавиц и плавать по океану, и они дерутся между собой на палубе и так прыгают! Если бы еще в одно кино добавить из другого кино, и еще чтобы там был Джек, вообще из другого фильма, а всех остальных не надо, то это было бы такое... «Это я просто не знаю как здорово было бы!» — думает Света.

Катя сказала ей:

— Нам с тобой лучше всего стать океанологами.

Света привела ее в гости, когда мама с папой были на работе. Катя водила пальцем по стеклу аквариума, и за ее пальцем, не отставая, плавала хищная рыбка цихлазома.

Катя толкала Свету:

— Смотри-смотри, она меня хочет съесть!

И спрашивала:

— Ты, что ли, занимаешься рыбами?

Аквариум был папин. Папа установил его когда-то давно, папа чистил фильтры и покупал корм, а иногда запускал новых рыбок.

Но Света сказала:

— Конечно, это я занимаюсь, — потому что Катя хотелось, чтобы аквариум был Светин.

Катя заглядывала в воду сверху, подвинув крышку, и снова смотрела сбоку. Сказала:

— У нас в старом доме, на Кировском, баб Валя держала аквариум, — и усмехнулась. — Конечно, не такой огромный, как у вас, и без рыб.

Света спросила:

— Как это — без рыб?

Катя ответила:

— А для чего ей рыбы? Они мельтешат. А баба Валя гадала по воде. Все, говорит, видно там, кому замуж, кто умрет или кому в тюрьму...